

Будаева Дарима Цырендоржиевна

Budaeva Darima Tsyrendorzhievna

кандидат политических наук, доцент кафедры менеджмента Института экономики и управления Бурятского государственного университета

PhD in Political Science, Associate Professor, Management Department, Institute of Economics and Management, Buryat State University, Ulan-Ude

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИТОГОВ ВЫБОРОВ ДЕПУТАТОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ СЕДЬМОГО СОЗЫВА (НА МАТЕРИАЛАХ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОПРОСА ЖИТЕЛЕЙ БУРЯТИИ)

THE REGIONAL ASPECTS OF THE ELECTION OF DEPUTIES TO THE 7TH STATE DUMA OF THE RUSSIAN FEDERATION (BASED ON THE SOCIOLOGICAL SURVEY IN BURYATIA)

Аннотация:

В статье представлены данные о том, что в Бурятии разница между декларированной и реальной явкой больше, чем в среднем по стране. По мнению автора, это обусловлено депрессивностью региона и возрастанием уровня социальной апатии значительной части граждан, вызванной сокращением и без того низких денежных доходов населения. Существенное внимание уделено установлению связи между партийным выбором и характеристиками электората (полом, возрастом, национальностью, образованием, занятостью, семейным и материальным положением). Проанализировав путем исчисления коэффициента Пирсона тесноту связи между партийным выбором и характерными чертами избирателей, автор установила, что на выбор партии «Справедливая Россия» не оказывает серьезного влияния ни один фактор, при выборе КПРФ значимую роль играет возраст человека. За нее в основном проголосовали пожилые люди. На выбор «Единой России» определенное, но не столь сильное воздействие оказали пол и образование. За данную партию чаще других голоса отдавали женщины, имеющие среднее специальное, неоконченное высшее и высшее образование. При выборе ЛДПР определяющими стали три фактора из семи, включенных в корреляционную таблицу, – пол, возраст и национальность.

Ключевые слова:

электоральное поведение, декларируемая и реальная явка избирателей, абсентеизм, теснота связи между партийным выбором и социально-экономическими характеристиками.

Summary:

The author reports that the difference between the declared and real voter turnout in Buryatia is bigger than the national average. This is due to the regional depression and the increased social apathy of a large part of citizens caused by a sharp decline in their low monetary income. The research focuses on the relationship between the party choice and the characteristics of the electorate (gender, age, nationality, education, employment, family and financial status). Having analyzed the correlation between the party choice and the characteristics of the electorate by the Pearson coefficient, the author identifies that the choice of Fair Russia is not seriously affected by any factor while the choice of the Communist Party of the Russian Federation is strongly influenced by the age of a person. Mostly, elderly citizens voted for it. Gender and education had a less impact on the choice of the United Russia. Women having secondary vocational, incomplete higher and higher education were most likely to vote for this party. When electing the Liberal Democratic Party of Russia, such factors as gender, age and nationality played a key role.

Keywords:

electoral behavior, declared and real voter turnout, absenteeism, correlation between party choice and social and economic characteristics.

Официальная электоральная статистика не располагает данными о суждениях избирателей и мотивах их голосования. Поэтому социологические исследования, направленные на выявление политических установок, стали осознанной необходимостью для своевременной и эффективной диагностики существующей ситуации в сфере электорального поведения различных групп населения. Именно социологическая информация, раскрывающая особенности электорального поведения граждан, служит фундаментом разработки стратегии и тактики формирования и развития политической культуры электората.

Информационной базой статьи послужили материалы поствыборного опроса жителей Бурятии, проведенного в ноябре 2016 г. с использованием многоступенчатой стратифицированной случайной маршрутной выборки. Применялся метод очного формализованного интервью по месту жительства респондента. Выборка составила 920 анкет.

В настоящей статье основное внимание уделено анализу электорального поведения четко локализованного в пространстве и времени сообщества граждан – современных жителей Бурятии. 57,4 % населения республики заявили, что они «постоянно ходят на выборы». Если эту цифру принять как показатель декларируемой явки, то в Бурятии разрыв между озвученной и реальной явкой составил 16,9 %, поскольку фактически в голосовании приняли участие 40,5 % избирателей региона.

Ситуация разрыва между вербальным и реальным поведением человека типична для электоральных исследований. Во время опроса социологи зачастую сталкиваются с таким явлением, как «ситуативная ложь», – своеобразной защитной реакцией респондента во время интервью. Опрос для человека – чаще всего стрессовая ситуация с очень высокой долей неопределенности и риска. Поэтому вполне объяснима попытка максимально уменьшить негативные последствия интервью, ослабить неопределенность и непредсказуемость.

Американский социальный психолог О. Фрай выделил следующие причины неискреннего поведения человека: «Во-первых, они делают это для того, чтобы произвести на других положительное впечатление или защитить себя от чувства неловкости и неодобрения окружающих.

Во-вторых, люди лгут для того, чтобы получить преимущество.

В-третьих, люди лгут, чтобы избежать наказания.

Кроме того, люди лгут, чтобы представить других в более выгодном свете, или сообщают ложь, стремясь помочь другим.

В-пятых, люди прибегают к тому, что я называю "социальной ложью". Они лгут ради сохранения социальных отношений» [1, р. 18].

Желание продемонстрировать интервьюеру «правильное» социальное поведение, а именно факт участия в голосовании, зачастую не подтверждается данными электоральной статистики. Готовность участвовать в выборах в Государственную думу выражают почти 60,00 % россиян [2], а фактически к избирательным урнам пришли 47,88 % граждан. В России разница между декларированной и реальной явкой составила немногим более 12,00 %, что почти на 5,00 % ниже по сравнению с соответствующим показателем Бурятии.

Более существенная разница между декларированной и реальной явкой, наблюдаемая в Бурятии (16,9 % против 12,0 % по России), имеет связь с депрессивностью региона, высоким уровнем социальной апатии значительной части граждан, вызванной сокращением и без того низких денежных доходов населения. В 2015 г. в республике отмечалась тенденция снижения размеров реальных денежных доходов по сравнению с цифрами 2013–2014 гг. Так, в январе 2015 г. относительно данных 2013 г. спад составил 32,2 %, а в течение 8 последующих месяцев 2015 г. – около 10,0–12,0 % [3, с. 71].

К числу не менее важных проблем электорального поведения граждан относится игнорирование выборов. Примерно каждый десятый респондент признался в том, что он «никогда не ходит на выборы» (таблица 1).

Таблица 1 – Электоральное поведение жителей Бурятии в разрезе возрастных групп

Возраст, лет	Удельный вес абсентеистов в соответствующей возрастной группе, %	Возрастная структура электората, проголосовавшего на выборах в Госдуму РФ, по данным экзитпола, %
18–29	20,1	11,7
30–39	11,8	16,3
40–49	9,3	16,2
50–59	5,6	19,5
60 и старше	2,5	32,1
Иное	В среднем 10,6	Отказ, испортил бюллетень – 4,2

Сведения, приведенные в таблице 1, позволяют заключить, что существует достаточно четкая связь между возрастом и декларируемым игнорированием выборов. При переходе от старших возрастных групп к молодым неуклонно увеличивается доля абсентеистов и, соответственно, снижается удельный вес молодых избирателей среди проголосовавшего электората.

Самая высокая доля абсентеистов наблюдается среди 18–29-летнего электората. Это обстоятельство в сочетании с другими факторами во многом обусловило слабое участие молодежи в выборах. Среди проголосовавших доля 18–29-летних граждан равна 11,7 %. Между тем в возрастной структуре электората Бурятии удельный вес 18–29-летних избирателей составляет 29,0 % [4, с. 36].

В результате высокого абсентеизма молодого поколения исход выборов во многом определили граждане в возрасте 50 лет и старше. Их доля среди проголосовавших приблизилась к 52 %, тогда как удельный вес пожилых людей в возрастной структуре электората Бурятии составил 27 % [5, с. 36]. Избирательная активность данного возрастного сегмента обусловлена тем, что его представители продолжают соблюдать традиционные социальные нормы, выражающие их интерес к выборам. Не меньшую роль здесь играет особенность их самопрезентации, демонстрирующей соблюдение ими общих правил поведения («быть как все»). Поэтому пожилое население, проявляя солидарность, принимает участие в выборах. Однако это не говорит об отсутствии у них спонтанного желания выразить свою волю и полном становлении рационального выбора.

Низкая явка молодежи, характеризующая отчуждение от выборов, обусловлена тем, что многие молодые люди не чувствуют наличия реального выбора, не ощущают заметных перемен после очередных выборов. Поэтому они чаще других не доверяют власти, безразлично относятся

к результатам голосования, не отстаивают свои интересы, заменяя все это игнорированием формальной процедуры.

Приблизительно каждый третий избиратель относится к категории «неустойчивых», т. е. лиц, принимающих участие в выборах *«от случая к случаю, в зависимости от ситуации»*. Их иногда причисляют к так называемому «болоту», признающему за собой право (возможность) голосовать, но не всегда пользующемуся им. «Неустойчивый» электорат, как и абсентеисты, редко интересуется политикой или вообще не проявляет интерес к ней, слабо информирован о политических партиях и кандидатах, претендующих на тот или иной пост. Человек, голосующий *«от случая к случаю»*, чаще всего убежден в том, что его голос ничего не решает и с помощью выборов невозможно добиться каких-либо изменений. Поскольку «неустойчивые» избиратели принимают спонтанное решение как о своем участии в голосовании, так и о политическом выборе, то их поведение трудно прогнозировать. Это обстоятельство способствует повышению погрешности прогноза исхода избирательных кампаний.

В анкету поствыборного исследования мы включили вопрос: «Какие партии в большей степени отражают интересы таких людей, как Вы?» Респонденты, отвечая на него, выражали симпатию к той или иной партии, и их ответы позволили выявить «мягкий рейтинг» политических партий. «Единая Россия» повсеместно, особенно в селах республики, имеет опережающий «мягкий рейтинг» (таблица 2).

Таблица 2 – Политическая идентификация и итоги голосований, % от суммы опрошенных

Политическая партия	Распределение ответов на вопрос: «Какие партии в большей степени отражают интересы таких людей, как Вы?» *		Итоги голосования
	Город	Районы	
«Единая Россия»	50,1	57,7	43,33
КПРФ	20,0	12,6	20,59
ЛДПР	13,5	12,4	13,54
«Справедливая Россия»	10,2	8,2	6,55
«Коммунисты России»	3,2	2,7	2,87
«Партия Роста»	2,5	1,4	3,90
Российская партия пенсионеров за социальную справедливость	1,2	1,6	2,30
«Яблоко»	1,7	0,4	1,17
Российская экологическая партия «Зеленые»	1,0	0,2	0,57
«Родина»	0,2	0,4	0,83
«Патриоты России»	0,2	0,4	0,40
«Гражданская платформа»	0,2	0,2	0,82
«Парнас»	0,2	0,2	0,52
«Гражданская сила»	–	–	0,14
Затрудняюсь ответить	13,0	14,0	–

* Респонденты могли выбрать до двух партий, поэтому сумма ответов превышает 100 %.

Доля сторонников партии «Единая Россия», выявленная во время поствыборного исследования, оказалась завышенной относительно удельного веса тех, кто реально голосовал за нее. Впрочем, такая закономерность наблюдается повсеместно. По данным фонда «Общественное мнение», 60,0 % россиян собирались отдать свои голоса партии «Единая Россия», а по информации «Левада-центра» – 55,0 % [6]. Фактически за данную партию проголосовали 54,2 % россиян, принявших участие в выборах в Государственную думу.

Выявленная ситуация позволяет заключить следующее. С одной стороны, социальная база партии «Единая Россия» шире, чем количество электората, оказавшего ей поддержку на думских выборах седьмого созыва. Значит, это объединение имеет социальный резерв. С другой стороны, многие респонденты, зная, что «Единая Россия» признана победителем, из-за соображений престижности попытались отредактировать свой ответ в пользу партии власти, постарались продемонстрировать причастность к ее победе. Ситуативная лукавость в определенной мере связана с медленным превращением «покорных государевой воле подданных» в ответственных граждан, самостоятельно и осознанно принимающих политические решения, она сыграла большую роль в завышении поствыборной вербальной симпатии к партии власти. По другим партиям не замечен существенный разброс между политической идентификацией и партийным голосованием электората Бурятии.

При глубоком анализе социально-политической реальности достаточно часто используют статистический показатель вероятностной связи между двумя переменными, измеряемыми ко-

личественной шкалой. Некоторые из этих связей устанавливаются «вручную», а другие – с помощью пакета программ [7, с. 240]. В настоящей работе для выявления статистической связи между партийным выбором и характеристиками электората применялась программа статистической обработки данных SPSS. Мы отбирали только объективные критерии, влияющие на выбор политических партий: пол, возраст, национальность, образование, занятость, семейное и материальное положение. Они операционализированы в таблице 3.

Таблица 3 – Показатели, влияющие на выбор политических партий

Показатель	Группа
Возраст	1. Число полных лет
Пол	1. Мужской 2. Женский
Род занятий	1. Работает 2. Безработный 3. Учащийся 4. Домохозяйка 5. Пенсионер 6. Другой
Национальность	1. Русский 2. Бурят 3. Другая
Образование	1. Начальное 2. Неполное среднее 3. Среднее общее и ПТУ 4. Среднее специальное 5. Неоконченное высшее и высшее
Семейное положение	1. Холост (не замужем) 2. Женат (замужем)
Материальное положение	1. Денег хватает на все, есть возможность откладывать 2. Денег в основном хватает, но покупка дорогих вещей требует накопления 3. Денег хватает только на еду и одежду 4. Денег хватает только на еду 5. Денег не хватает даже на еду 6. Затрудняюсь ответить

Основной изучаемый показатель – выбор политической партии – описан значениями «да» и «нет». В рабочий файл исследования не были включены данные тех анкет, в которых респонденты на вопрос: «Вспомните, пожалуйста, за какую партию Вы голосовали на выборах в Государственную думу, состоявшихся 18.09.2016 г.?» – дали ответы: «затрудняюсь», «не голосовал», «испортил бюллетень», «отказываюсь от ответа». Удельный вес опрошенных, выбравших подобные варианты, в общей совокупности составил 31 %.

На выбор политических партий влияние оказывают и субъективные характеристики электората, которые не были включены в инструментарий поствыборного исследования (установки, оценки, суждения и т. д.). Поэтому в данной работе мы ограничились лишь объективными критериями, что обусловлено методическим требованием формирования информационной базы, используемой для выяснения тесноты связи между двумя показателями, а именно – требованием одномоментности числовой информации, т. е. тем, что числовые значения должны относиться к одному периоду. Анализ связей между двумя рассматриваемыми переменными предполагает получение ответа по крайней мере на два следующих вопроса:

1) существует ли связь между партийным выбором и социально-экономическими характеристиками электората;

2) какова интенсивность (плотность и теснота) связи между изучаемыми переменными.

Теснота связи между партийным выбором и объективными характеристиками электората, установленная путем исчисления коэффициента Пирсона, четко и наглядно продемонстрировала, что многие характеристики избирателей не всегда оказывают серьезное влияние на их политический выбор (таблица 4).

На выбор «Справедливой России» не оказывает решающего воздействия ни один фактор, при выборе КПРФ существенным является возраст человека. За нее в основном проголосовали пожилые граждане. На выбор «Единой России» значимо, но не столь сильно влияли пол и образование. За данную партию чаще других голосовали женщины, имеющие среднее специальное, неоконченное высшее и высшее образование. При выборе ЛДПР определяющими стали три фактора из семи, включенных нами в корреляционную таблицу, – пол, возраст и национальность.

Таблица 4 – Зависимость партийного выбора от социально-демографических характеристик электората

Показатель	«Единая Россия»	ЛДПР	КПРФ	«Справедливая Россия»
<i>Возраст</i>				
Коэффициент корреляции Пирсона	0,038	0,138 **	-0,157 **	-0,052
Значимость (двусторонняя)	0,343	0,001	0	0,19
<i>Пол</i>				
Коэффициент корреляции Пирсона	-0,087*	0,130 **	0,049	-0,02
Значимость (двусторонняя)	0,029	0,001	0,217	0,608
<i>Род занятий</i>				
Коэффициент корреляции Пирсона	-0,053	0,087 *	-0,057	-0,031
Значимость (двусторонняя)	0,187	0,029	0,149	0,439
<i>Национальность</i>				
Коэффициент корреляции Пирсона	-0,046	0,124 **	0,001	-0,014
Значимость (двусторонняя)	0,253	0,002	0,981	0,727
<i>Образование</i>				
Коэффициент корреляции Пирсона	0,086 (*)	0,034	-0,055	-0,042
Значимость (двусторонняя)	0,03	0,4	0,164	0,292
<i>Семейное положение</i>				
Коэффициент корреляции Пирсона	0,001	-0,044	-0,003	0,044
Значимость (двусторонняя)	0,986	0,271	0,931	0,271
<i>Материальное положение</i>				
Коэффициент корреляции Пирсона	0,018	0,012	0,016	-0,04
Значимость (двусторонняя)	0,646	0,761	0,697	0,318

** Корреляция (двусторонняя) является значимой на уровне 0,01.

* Корреляция (двусторонняя) является значимой на уровне 0,05.

Обобщая сказанное, следует отметить, что конфигурация электорального поля Бурятии, оцениваемая как по явке избирателей на выборы, так и по разрыву между декларируемой и реальной явкой, в основном уступает общероссийским трендам. В частности, в республике явка на выборы в Госдуму РФ седьмого созыва была на 7 % ниже, чем в среднем по России; в Бурятии разрыв между декларированной и реальной явкой на 5 % превышал соответствующий общероссийский показатель.

По партии власти существует некоторое расхождение между политической идентификацией и партийным голосованием, что обусловлено разными факторами. Среди них особо выделяются желание части электората редактировать свой ответ в пользу победившей партии и стремление отдельных людей продемонстрировать причастность к успеху «Единой России». По другим партиям не замечен столь существенный разброс между партийно-политической идентификацией и реальным политическим выбором.

Ссылки:

1. Vrij A. Detecting Lies and Deceit: The Psychology of Lying and the Implications for Professional Practice. Chichester, 2007. 488 p.
2. Субботина С., Химичева Д. Готовность участвовать в выборах в ГД выражают почти 60 % россиян [Электронный ресурс] // Известия. 2016. 26 авг. URL: <https://iz.ru/news/628935> (дата обращения: 25.09.2018).
3. Социально-экономическое положение Республики Бурятия. Январь – ноябрь 2016 г. : комплексный доклад. Улан-Удэ, 2016. 115 с.
4. Население Республики Бурятия : статистический сборник. Улан-Удэ, 2012. 46 с.
5. Там же. С. 36.
6. Выборы в Госдуму обещают быть самыми интересными за последние 12 лет [Электронный ресурс] / Д. Камышев, Е. Виноградова, Е. Мухаметшина, О. Чуракова // Ведомости. 2016. 3 июля. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2016/07/04/647770-duma-proidet-feislifting> (дата обращения: 25.09.2018).
7. Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Прикладная социология. Методология и методы. М., 2012. 256 с.

References:

- Gorshkov, MK & Sheregi, FE 2012, *Applied Sociology. Methods and Techniques*, Moscow, 256 p., (in Russian).
- Kamyshov, D, Vinogradova, E, Mukhametshina, E & Churakova, O 2016, 'Elections to the State Duma are expected to be the most interesting for the last 12 years', *Vedomosti*, July 03, viewed 25 September 2018, <<https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2016/07/04/647770-duma-proidet-feislifting>>, (in Russian).
- Population of the Republic of Buryatia: a Statistical Compilation 2012*, Ulan-Ude, p. 36, (in Russian).
- Social and Economic Situation of the Republic of Buryatia. January – November 2016: a Comprehensive Report 2016*, Ulan-Ude, 115 p., (in Russian).
- Subbotina, S & Khimicheva, D 2016, 'Almost 60% of Russians stand ready to take part in the Duma election', *Izvestiya*, August 26, viewed 25 September 2018, <<https://iz.ru/news/628935>>, (in Russian).
- Vrij, A 2007, *Detecting Lies and Deceit: The Psychology of Lying and the Implications for Professional Practice*, Chichester, 488 p.